

Военное
детство

М. ЕФЕТОВ

ПОСЛЕДНИЙ СНАРЯД

Военное детство

Марк Ефетов

Последний снаряд

Издательство «Детская литература»

1972

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ефетов М. С.

Последний снаряд / М. С. Ефетов — Издательство «Детская литература», 1972 — (Военное детство)

ISBN 978-5-08-006175-2

Подросток Володя и его маленькая сестра Наташа проводили на фронт папу, а сами остались с мамой в Москве. Они очень ждут от него письма, но почтовый ящик пуст. Володя занял место отца у станка на оборонном заводе и теперь работает для фронта. Позже именно Володин снаряд поставит последнюю точку в войне. Семья воссоединится только после Победы. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006175-2

© Ефетов М. С., 1972
© Издательство «Детская литература», 1972

Содержание

Тревожная ночь	7
Что же будет?	10
Воинский эшелон	14
Смерть рядом	17
Ольга Олеговна	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марк Ефетов

Последний снаряд

Серия «Военное детство»

Серийное оформление, рисунок на переплете О. Рытман

© Ефетов М. С., наследники, 1972

© Пинкисевич П. Н., наследники, рисунки, 1972

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2019

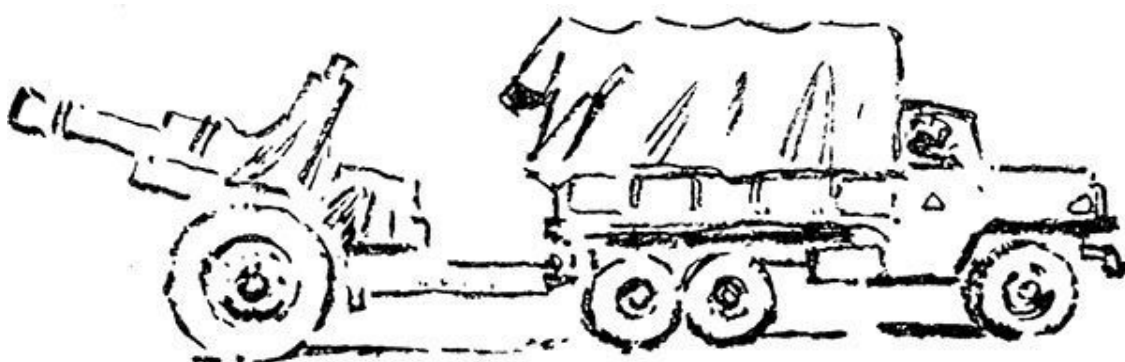
***

1941–1945

К 75-летию Победы

в Великой Отечественной войне

Посвящаю моей внучке Юлии

Тревожная ночь

Когда Володе исполнилось четырнадцать лет, его приняли в училище номерного завода, где до ухода на войну работал отец. На завод надо было ехать электричкой, а потом еще лесом пройти порядочный кусок. Теперь-то Володя понял, почему отец вставал на работу, как говорится, чуть свет, а осенью и зимой и совсем в темноте.

Отца Володя почти не видел: уходил отец – Володя еще спал, приходил, а сын постель разбирает, спать ложится.

В те времена один выходной был – воскресенье. И Володе все не хватало времени с отцом поговорить: на неделе запомнит, о чем отца спросить надо, а к воскресенью забудет. Часто Володя спрашивал отца:

– А работать меньше нельзя?

– Нельзя.

– Почему?

– Вполплеча работа тяжела: оба подставишь – легче справишь.

Володе очень хотелось посмотреть, как отец работает, но он знал, что на завод пройти нельзя: военная тайна.

Управление заводом и училищем, где обучали будущих рабочих, размещалось в городе. Володя знал, что на первом этаже этого управления ничего интересного нет. Учреждение как учреждение: письменные столы с телефонами, пишущие машинки, которые стрекочут, как кузнечики, и мягкие двери, похожие на матрац или ватное одеяло, только поставленное стоймя. Все это Володя видел сквозь окна нижнего этажа. Ничего особенного.

Но чтобы пройти в управление, нужен был пропуск.

Может быть, именно потому Володе очень хотелось узнать, что там, за этими дверями, перед которыми стоит часовой с винтовкой. Володя спрашивал отца:

– Там чего?

И отец отвечал тем же тоном:

– Ничего.

Или говорил:

– Канцелярия.

Володе в это верилось и не верилось. Он любил себе представлять то, чего не видел. Африку, например, со слонами и тиграми. Или сказочный дворец, где есть железная дверь, очень секретная, которая отпиралась золотым ключиком. А что за этой дверью? Сундуки с золотом, а может быть, пушки – такие особенные, каких нет у врагов...

Он тогда еще был маленьким, Володя-первак, как называли первоклассников, мальчишки во дворе дразнили его «салага». Он правда невысокий, был узок в плечах, волосы светлые, как у отца. И лицо узкое и длинное – худое, если сказать одним словом. Когда поступал в школу, ему-то было восемь, но давали по виду шесть. А отца, Матвея Тимофеевича Ратикова, и совсем комсомольцем называли. Такая, видно, порода была ратиковская – моложавая.

– Ну пошли, старик, на работу, – звал отец Володю, когда малышу надо было идти в детский сад.

– Папа, а нас там не заставляют работать.

– А спать? – спрашивал отец.

– Заставляют. Только поиграть охота, а тут говорят: спи!

– Видишь... А манную кашу?

– Что – кашу?

– Заставляют?

– Ага. Заставляют.

– Так кому же, Вовка, легче – мне на заводе или тебе в садике?

Володя молчал, улыбался: «Шутит папа». И смеялся громко-громко.

– Нам в садике тяжелее. Ох как тяжело!.. А у тебя в управлении чего?

И снова отец отшучивался:

– Я же тебе говорил, что ничего. Столы, значит, и стулья. Вот и всего.

Но Володя-маленький не отставал:

– А почему часовой? А почему всем туда нельзя? Секрет? Да?

– Да, – сказал Матвей Тимофеевич, – секрет, значит. Во как!

– Чтоб про наши пушки не узнали?

– Правильно, Вовка! Если всех пускать, какой-нибудь враг пролезет и все про наши пушки узнает. Пойдет на нас войной. И нашими же пушками стрелять будет. Хорошо?

– Не. Плохо.

– То-то...

Потом, когда Володя подрос, он узнал, что это такое – военная тайна, и никогда папу не расспрашивал ни про завод, ни про управление. Не расспрашивать было ох как трудно... Но что поделаешь: отец всегда говорил ему, что дать себе волю легче, чем сдержаться.

Война началась в день, когда Володя с отцом собирался в зоопарк. В первую ночь война пришла на границу, а потом, когда Матвей Тимофеевич был уже далеко на фронте, когда которую неделю ждали от него письма, самолеты врага появились в небе над Москвой. Володя и не слышал воздушной тревоги – спал. Но мама разбудила и его, и сестренку Наташу. Сонный, спускался он в подвал, а Натка при этом хныкала: «Спать хочу!» И Володя тоже не мог понять – взаправду это или еще снится? Бухало так, что стекла в окнах дребезжали, мало что крест-накрест бумагой заклеены и черной бумагой зашторены. А когда Галина Фёдоровна, мать Володи, перебежала двор, держа за руки детей, ухнуло так, что на какое-то мгновение Володя оглох. В это же время все небо прожектор, как саблей, перерезал. И потом через потемневшее небо красные точки промчались, и вдруг светло стало – светлее, чем днем.

Это была первая бомбежка, которую испытал в своей жизни Володя. До сих пор война была далеко, там, где был фронт, а теперь вот она, пришла к самому дому Ратиковых. Фашистские самолеты шли так высоко, что их не было видно, но шум моторов слышался даже в подвале. А как отчетливо и гулко, будто из бочки, стреляли наши зенитки! Наташка плакала, а Володя думал: «Вот так оно, должно быть, у папы на фронте».

Потом в бомбоубежище Володя успокаивал и укачивал маленькую Наташку. Подумать только: все люди в бомбоубежище были озабоченны, взволнованны, все спросонья, а поди ж ты – обращали внимание на Натку: «Какие глазищи!» – или что-нибудь в этом роде.

Была Наташка действительно круглолице-румяная, большеглазая, и вся голова в золотистых колечках, как завитая. А когда уснула, совсем красными стали тугие щеки и легли на них большие темные ресницы.

Наташа уснула под грохот пальбы. Она ведь и дома привыкла спать и в шуме, и при свете...

В бомбоубежище голоса войны постепенно стали стихать: буханье зениток слышалось тихо, тише, еще тише, и вскоре совсем все утихло.

Черная тарелка радиорупора трижды оповестила:

«От-бой! Внимание: от-бой! От-бой!»

Что же будет?

Мама взяла Наташку на руки, и они пошли домой. Светало. Володя ежился. Холод проползал за ворот, а может быть, это казалось Володе оттого, что он не выспался. Кто знает... Теперь, когда ничто не вспыхивало, не взрывалось, не стреляло вокруг, а только розовые облака плыли по белесому небу, стало как-то спокойно. Мама отперла дверь, уложила сонную Наташку, и Володя лег в свою разобранную постель. А как только лег, сразу же уснул.

Проснулся: солнце шпарит вовсю, и мама сидит за столом – кормит Наташку.

– Проснулся, сынок?

– Ага.

– Помнишь, какой сегодня день?

– А как же! Мы не опоздаем?

– Что ты, Вова! Нам в училище к часу. Время есть. Сейчас и десяти нет. Вот накормлю Наташку, а ты пока сбегай купи чего есть. Мы с тобой потом поедем в училище. А на работу я в ночь пойду...

Позже, во время войны, вместо «куплю продукты» часто говорили «отоварю карточки». Хлеб и все продукты продавали только по карточкам: отрезал от карточки маленький талон, отдал его вместе с деньгами или чеком из кассы и получай сколько положено. А положено было по-разному: детям что получше, попитательнее, тем, кто легко работает, – поменьше, кто на тяжелой работе – побольше. Рабочую карточку получила и Галина Фёдоровна. Она работала на ткацкой фабрике. Иногда днем, а иногда и в ночную смену. После первой бомбежки Галине Фёдоровне страшновато было оставлять детей одних на ночь. Но что поделать – выхода не было.

Об этой ночной бомбежке ни Володя, ни мама не говорили. Что панику разводить? Мама только сказала:

– По радио передавали: ночью наши зенитчики отбили налет фашистских самолетов.

– А я и знал, что отобьют, – сказал Володя. – Зенитки бухали будь здоров...

В заводское училище поехали все втроем. Утром прошуршал стремительный, короткий дождь. А день был ясный, безоблачный, сверкающий в не просохших еще лужах. Натка обязательно хотела выкупаться в каждой. Во всяком случае, она топала по лужам, разбрызгивая воду далеко вокруг.

– Прекрати! – покрикивала мама.

При этом она казалась очень строгой. Галина Фёдоровна любила говорить о себе: «Я – солдат». Походка у нее действительно была твердая и голос громкий. Была она высокой, но в круглом лице и пухлых губах были мягкость и доброта, а глаза всегда, казалось, говорили: «Чем помочь?», «Не нужно ли вам чего?»

И она действительно любила помогать. Ну, дома, ясное дело, мама первая помощница и детям, и мужу. Но Галина Фёдоровна была первой помощницей и подругам на работе. Ничего, что крупная, большая, а быстро и ловко ходила между ткацких станков, чуть только прикасаясь к ниткам. И пряжа шла у нее гладкая-гладкая, без узелков или пропусков. Галина Фёдоровна успевала не только за своими станками смотреть. Если обрывалась нитка у подруги, что рядом работает, вмиг нитку эту связывала и в свой проход возвращалась: ласковым движением гладила полотно, чуть только прикладывая руку, на ощупь проверяла, правильно ли идет ткань, нет ли где перебоев или обрыва.

Наташа была один раз у мамы на фабрике. Володя приносил маме еду и взял с собой сестренку. С тех пор она играла дома с куклами в ткачиху.

А вот теперь она шлепала и шлепала по лужам, и мать покрикивала на нее: «Прекрати шлепать – отшлепаю!» Но девочка только смеялась, подпрыгивая и пританцовывая. А Володя

подумал: «Совсем как в тот раз, когда мы все ехали за город с корзиной, в которой была вода, котлеты, молоко и всякие сладости. Это же было совсем-совсем недавно... Корзину нес папа, а теперь где он? Сколько времени как уехал, а письма нет и нет...»

Раньше Володя не задумывался: какой у него отец? Папа как все папы. А теперь все время думал о том, что его папа особенный. И вспоминал при этом его присказку: «Цену узнаешь, как потеряешь».

В то утро, когда Ратиковы шли в заводское училище, должно быть, только Наташа не думала о войне. Но вот когда подошли к метро, она сказала:

– Зенитьки...

С каждым днем Наташа узнавала новые слова, но произносила их на свой лад. С тех пор как грянула война, много появилось новых слов; убересть Натю от них нельзя было, хотя Галина Фёдоровна и Володя старались при ней о войне не говорить.

За городом война не чувствовалась: щебетали птицы и зеленели поля. Только железные ежи, сваренные из рельсов, ростом повыше Наташи, напоминали о том, что в эту поездку было совсем не так, как тогда с папой.

Запомнила ведь Натка, что в прошлый раз на дороге не было этих больших железных заборов, разбросанных по всему полю. Она протянула руку к железным ежам:

– Зачем?

– Противотанковые, – сказал Володя. – Пошли давай. Не отставай.

– А мама сказала, что у нас время есть. Утром сказала, помнишь?

Володя помолчал и подумал: «Все-то она уже понимает, ко всему прислушивается. Большая стала Натка».

Он многое объяснял ей, отвечая на ее «зачем?». Но сейчас говорить не хотелось. Мама молчала; наклонила голову и так внимательно смотрела на дорогу, что Володя чувствовал и понимал: лучше не говорить о войне. Вот ведь и сегодня, когда уходила из дому, мама открыла их почтовый ящик внизу и долго шарила там рукой, хотя ясно было, что письма нет. Володя обнял ее: «Пойдем, мамочка».

В прохладе тенистого леса растворялся запах первых белых фиалок.

Наташа часто останавливалась и спрашивала брата:

– Цветок?

– Цветок!

– А как зовут?

– Кукушкины слезки.

Ната решительно отвернулась от красно-лиловых цветов, которые напоминали о слезах:

– Пошли давай!

А Володя и не хотел останавливаться. С первого дня войны всегда было некогда, все время надо было куда-то спешить, что-то делать срочно – новое, непривычное. И теперь это была не прогулка по лесу, а срочное дело: первая встреча с заводским училищем. И прийти надо было без опозданий и поскорей вернуться, чтобы мама не опоздала на работу. Но все же у одного дерева Володя остановился и воскликнул:

– Мама, смотри, белочка!

В самом деле, на дереве промелькнул рыжий пушистый хвост, и вот уже черные бусинки белчих глаз выглядывали из дупла. И белка при этом смешно вертела мордочкой.

– Смотри, доченька, смотри! – закричала мама и подняла Натю на руки.

Наташка молчала, обхватив маму за шею. Белчихи глазки словно зачаровали ее. Ведь это была первая белка, которую она увидела в жизни.

А белка между тем выскочила из своего дупла и, быстро перебирая лапками, распушив большой хвост, проскакала на верхушку сосны. При этом она оглядывалась, и не зря. Следом, смешно цепляясь за кору дерева, карабкался вверх маленький серо-коричневый бельчонок.

– Видишь, Наточка, белка деток гулять вывела... – сказала мама.

Теперь и Володя с любопытством смотрел на сосну. Что с того, что он был почти в семь раз старше своей сестры: белку на воле он видел в первый раз. До этого смотрел, как белка крутилась в колесе за витриной зоомагазина на Арбате. Но это было в городе, за стеклом, да еще в клетке. А тут прямо так – на дереве, да еще с детенышем.

В лесу было тихо и спокойно. Все трое Ратиковых стояли, стараясь не только не двигаться, но даже громко не дышать. И вдруг Володя вскрикнул:

– Ой, она его бросила и упрыгнула!

Теперь на верхушке сосны остался один маленький бельчонок, а белка, вытянув свой роскошный хвост, перелетела по воздуху к самому дуплу. Володя при этом подумал: «Хвост у нее заменяет крылья. Интересно».

– Пищит, – тихо сказал он, показывая на бельчонок.

– Что ж она его так бросила? – удивилась мама.

– Злая, – сказала Наташа. – Бедный белик!

– Не белик, а белочка. Разница, – поправил Володя. – Мама-белка бросила свою белочку.

– Плохой? Да? – спросила Ната. – Вова, ну?!

Она совсем недавно научилась говорить, но зато теперь болтала без умолку, заменяя букву «р» буквой «л», коверкая слова. Но это ее не смущало: Ната повторяла всё, что ей говорили, пусть неправильно, но требуя – обязательно! – ответа на все свои вопросы.

А Вова было сейчас не до сестренки. Он думал о маленьком бельчонке и о том еще, почему его бросила мать. Бельчонок теперь как бы прирос к ветке, прижавшись к ней животом, свесив лапки вниз.

Ната сказала:

– Мама белика наказала.

– Скажешь тоже! – резко ответил Володя. – Таких маленьких не наказывают.

– Наказывают! – уверенно подтвердила Наташа, видимо вспомнив что-то, что происходило с ней.

Теперь бельчонок дрожал так, что под ним подрагивала ветка. Володя и Галина Фёдоровна посмотрели и сказали друг другу глазами, что мама-белка действительно поступила жестоко: бельчонок свалится и разобьется.

Ната вдруг хихикнула.

– Тебя бы так! – сердито буркнул брат. – Тебя бы так оставить на голой ветке.

И в это время бельчонок, почувствовав, видимо, что помощи ждать не от кого, поднялся, снова уцепился лапками и стал очень смешно прыгать по ветке.

– Пыг-скок, пыг-скок, – весело покрикивала Ната.

А бельчонок, окончательно расхрабрившись, перемахнул с ветки на нижнюю ветку и – шась к самому дуплу, из которого выглядывала черноглазая мама.

– Научился, научился! – захолопал в ладоши Володя. – Видишь, Натка, это мама-белка так его учила. Поняла?

– Угу, – сказала Ната.

Галина Фёдоровна взяла дочку за руку:

– Пошли, дети.

Ната выдернула свою руку из маминой:

– Сама.

– Ну, сама так сама. Беги вперед, только не споткнись...

Скоро сосны остались позади. Ратиковы пересекли асфальтовую дорогу, прошли переулком и остановились.

– Ната, назад! – крикнула мама.

А Володя при этом бросился вперед, схватил сестренку и подбежал к матери.

Пахло горьким дымом и чем-то до тошноты сладковатым. В конце переулка торчал кусок стены с черными провалами вместо окон, груда камней, кривые, как змеи, рельсы стояли торчком, и все это было подернуто как бы туманом. Сквозь пыльно-дымную завесу видны были, будто серые тени, фигуры людей с ломами, лопатами, тачками.

«Мираж», – промелькнуло в голове Володи.

А мама сказала:

– Разбомбили. Что же будет?..

Воинский эшелон

– Что же будет? Что же будет? – говорила как бы про себя Галина Фёдоровна, обнимая и целуя мужа. Но тут же спохватывалась и успокаивала его: – Ты, Матвей, главное, не волнуйся о нас. Володя мне уже помощник, а Наточка послушная... Наташа, ты куда? Иди к маме. Ну?!

Это было на вокзале в один из первых дней войны. У вагонов плакали женщины, но были и такие, что сдерживали слезы и только молча смотрели на мужей, сыновей, братьев и отцов, непривычно остриженных под машинку, в мешковатых, еще не обносившихся гимнастерках. Некоторые из них шутили и смеялись, чтобы скрыть свое волнение.

Ната сказала на своем шепелявом детском языке, сказала так просительно, так от души:
– Мама, пусть эти дяди не едут... Пусть эти тети не плачут... Не надо ехать, не надо плакать...

Это было, наверно, самое длинное, что девочка сказала в своей жизни. Она взяла своими маленькими руками большую руку отца, крепко-крепко прижала ее ладонью к своему лицу и не отпускала. А когда почувствовала, что отец хочет высвободить свою руку и, значит, уйти, оставить их, тихо спросила:

– Папа, ты далеко?

– Далеко.

– Так далеко, что не видно?

– Не видно, доченька.

– Далеко – плохо, – сказала Ната.

А Матвей Тимофеевич ответил, сказав тихо, как бы про себя:

– Далеко от глаз, да близко к сердцу.

Это были последние минуты прощания.

Галина Фёдоровна взяла Наташу за руку:

– Стой здесь, доченька.

Уже вдоль состава пронеслась команда:

– По вагонам!

Черные рупоры передавали какие-то слова, но разобрать их нельзя было. Наташа твердила теперь одно короткое «Не надо» – и плакала.

А Володя сказал ей строго:

– Перестань плакать. Надо! Поняла?

– Угу, – мотнула головой Наташа.

Она уже была на руках у отца, целовала его в продыmlенные губы и не плакала...

Засвистел где-то в хвосте поезда главный кондуктор, гуднул паровоз, звякнули буфера, вагоны отъехали чуть-чуть назад, а потом плавно покатались вперед.

Галина Фёдоровна стояла как-то особенно прямо, обняв руками Володю и Нату: сына – за плечи, а дочку – за шею.

Она не плакала, но то ли от паровозного пара и дыма, то ли от тумана, которого в действительности не было, глаза видели плохо, и лицо Матвея Тимофеевича расплылось и исчезло, как только тронулся поезд.

Теперь виднелся только красный огонек на последнем, хвостовом вагоне длиннющего поезда; здесь, на перроне, стало тише, хотя женщины и дети не расходились, стояли и смотрели вслед уходящему вдаль огоньку.

И в этой тишине Володя услышал, как громко и сердито говорил стоящий рядом с ним немолодой человек в очках и в шляпе, из-под которой выбивались седые волосы. Он очень походил на Володиного классного руководителя, хотя был постарше и поплотнее.

– Тоже мне придумали новые слова! – кипятился старик. – «Культурная ценность»! И еще, видите ли, «подлежит сохранению в тыловых условиях»!

Говорил он это молодому человеку, который как бы оправдывался:

– Так я ведь случайно вас увидел.

– Мама, пойдем, – тихо сказал Володя. – Ты слышишь, мама?!

– Да, да, – кивнула Галина Фёдоровна. Она смотрела в туманную даль, которая поглотила поезд и в нем ее мужа. И хотя поезд этот давно исчез за светофором и какими-то большими привокзальными зданиями, ей виделось, как Матвей Тимофеевич спокойно и деловито располагается на полке, как он нетороплив, будто едет в командировку от завода или по каким-нибудь своим делам.

Да, так оно и было. В вагоне командир отделения Ратиков рассказывал молодым, на днях только надевшим форму красноармейцам, как он в первый раз попал на военную службу.

В широко раскрытых дверях вагона виднелись зеленые поля и желтые избы, а возле них маленькие фигурки людей. Они махали платками и шарфами и, должно быть, что-то кричали, но слова не долетали сюда, в вагон, где, усевшись на полу, молодые бойцы окружили Матвея Ратикова, который был меньше многих по росту, но сейчас казался им великаном.

Ратиков был старшим по команде. В петлицах у него поблескивали маленькие треугольнички. Красноармейская форма сидела на нем более ладно, чем на новобранцах. Матвей Ратиков в этом вагоне считался самым бывалым воином.

Смерть рядом

В первый раз Матвей Ратиков надел форму красноармейца за много лет до войны, когда его, как положено всем мужчинам, призвали на действительную военную службу.

Нелегки были первые дни этой службы.

«Шагом марш и ать-два левой!» – это он освоил быстро. А вот утренняя побудка, когда спать еще так хочется, будто только что заснул, – к этому привыкнуть было трудно. Запомнилось первое утро в казарме. Пока сбросил сон, повернулся, спустил на пол ноги, огляделся в новом месте, прошло пять минут. А ведь как раз за столько времени надо было собраться и заправить койку. Опоздал молодой солдат. И в первый день военной службы получил наряд вне очереди: чистить на кухне картошку. Когда несколько лет спустя рассказывал об этом сыну, Володя спросил отца:

– А за что наряд?

– В наказание.

– А за что наказание?

– За то, что все койки были заправлены без складочки гладко-гладко... А моя разлохмаченная.

– Ну и что, что разлохмаченная? Придирались? Да? От этой твоей койки враги нас не победили бы? Да?

– Как знать. Солдат должен с первого дня службы, с утра, с первой минуты, делать все точно и отлично. Сегодня койку опоздает заправить, завтра не успеет почистить винтовку, портянку плохо наматывает...

– Ну и что?

– Грязная винтовка может заржаветь. А враги пульнут в солдата. Крыльев нет, а летает бойко. Это у нас так о пуле говорят. Ржавая винтовка – никудышный солдат. А плохо ногу обмотал портянкой – ногу эту до крови разотрет, от своих отстанет, опять его врагам в одиночку убить ничего не стоит.

Володя молчал. Тогда хоть и не все понял, но запомнил, что говорил отец. И спросил:

– И ты научился заправлять койку?

– Научился.

– За пять минут?

– Нет. Пять минут – это было в первые дни. А потом за четыре минуты и за три.

– А ты говорил, что тебя на военной службе два раза наказывали... Второй раз за что?

Матвей Тимофеевич помолчал, а потом произнес, как бы думая вслух:

– Наказывали?.. Нет, Володька, не наказывали, а учили. Привезли нас, значит, необученных, зимой в лес. Я был тогда командиром отделения. Ух и холода же тогда были! Снег скрипел под ногами, деревья трещали от холода, а мороз жег щеки и спирал дыхание. А потом вдруг оттепель. Ну и приказали нам срубить и собрать такой небольшой дом в лесу для нашего взвода. Работали днем и ночью при кострах. Построили точно к сроку.

– А за что ж наказали? – спросил Володя.

– погоди. Не забегай вперед бабки в пекло. Понял?

– Понял.

– Я ж говорю: не наказали. Просто приехал командир, зашел в наш дом, попрыгал, проверяя половицы, и провел ладонью по стенам, как бы поглаживая их.

– Понравилось, как построили?

– Опять. Ну погоди. Вышел, значит, командир на снег и сказал, помню, не громко, так, будто и не приказывал, а советовал: «Разобрать и сложить заново».

– Ну?!

– Вот тебе и «ну»! И срок дал в два раза меньший, чем раньше. Во как!

– А почему?

– А потому, что мы торопились и плохо припазовали – пригнали одно к одному – бревна. Не подумали, что, когда вернутся сильные морозы, дом наш будет промерзнуть насквозь. Ведь не топор тешет, а плотник.

– И ты, папа...

– Что – папа? Приказ есть приказ: разобрали по бревнышку, трое суток работали. Спали по часу, два, как и где придется, иногда сидя у стенки. Сделали. А потом, когда грохнуло сорок градусов, из всех соседних подразделений прибежали к нам погреться. У них иней на всех стенах, а у нас теплынь. Недаром говорят: «Лоб не вспотеет – котел не закипит». Во как!..

Матвей Ратиков вспоминал этот разговор с сыном по дороге на фронт. И в эти же примерно дни Володя с Натой и мамой смотрели, как белка учила бельчонка. Как радостно было бы Матвею Тимофеевичу узнать тогда, что все трое Ратиковых живы и здоровы! Ведь все время думалось: где-то они теперь? Как живут? Чем живут?

Ратикову казалось, что поезд еле тянется, а потом вагон начинал отчаянно качаться и греметь: пролетали не по-летнему мокрые и грустные полустанки, невзрачные перелески, низкие лохматые тучи, которые нависли над нескошенными полями. Толчки, остановки среди голых полей и бугров, потом испуганный крик паровоза, снова толчок и стремительный бег поезда. Дорогой тревожный был сон у Матвея Тимофеевича, и во сне этом всегда почти дом, жена, Володя и маленькая Наташка.

Воинский эшелон остановился ночью. Было темно, а мгновениями вспыхивал яркий-яркий свет, и спустя секунду взрыв ударял в грудь, оглушал, бил пылью и мелкими камешками по лицу, пытался свалить и отбросить. После взрыва становилось еще темнее: ослепленный вспышкой, Матвей Тимофеевич совсем ничего не видел и в одном шаге перед собой. Он слышал только, как кто-то бежал вдоль состава, крича:

– Скорей! Скорей!

И Ратиков повторял это, торопя своих красноармейцев:

– Живей, ребятушки! Ну, у кого не ладится? Прыгай на землю.

Сам Матвей Тимофеевич был уже собран: вещмешок за плечами туго подогнан, автомат на груди, лопатка и котелок по бокам.

Бойцов своего отделения он торопил по-разному – кого строгостью, кого дружески, а кому старался помочь. Он знал, что у каждого из этих молодых красноармейцев, впервые надевших одинаковые гимнастерки, свой особый характер и привычки.

Бомбежка приближалась к эшелону. Вот уже бомба взорвалась совсем близко, и Ратикова при этом сшибло с ног и обсыпало колючей землей. Как сквозь сон, он услышал:

– Ой, убьют!

Матвей Тимофеевич выплюнул землю, вытер губы, глубоко вобрал воздух, поднялся. Все произошло быстрее, чем можно об этом рассказать.

– Без паники! – крикнул он в темноту. А услышав снова, как кто-то не то пробормотал что-то испуганное, не то заскулил и заохал, выкрикнул: – За мной бегом марш!

Глаза чуть привыкли к темноте, и он различал теперь косой бугор, за который бежали в укрытие еле видные фигуры людей. Бежать надо было осторожно, чтобы не споткнуться или не провалиться в темноте в какую-нибудь яму или канаву. Услышав за собой не то порывистое дыхание, не то тяжелые вздохи, Матвей Тимофеевич на мгновение остановился и выкрикнул с озорством:

– Эй, храбрецы, на войне надо не о смерти вопить, а о жизни думать! Тогда смерть обойдет тебя стороной. Не отставай!.. Ложись!

Вовремя отдал он последнюю команду, падая лицом вперед, как бы вдавливаясь в землю, закрывая руками голову. Тех красноармейцев, кто не успел лечь тут же за ним, воздушной волной опрокинуло, повалило навзничь, засыпав землей лицо, забив пылью нос и уши. Видимо, враг бомбил теперь точно по цели, и смерть подошла совсем вплотную к Ратикову и его товарищам по эшелону...

Ольга Олеговна

Володя и Наташка стояли, тесно прижавшись к матери. Этой ночью они услышали войну, а сейчас увидели. Наташка захныкала и вдруг заревела. Ее никто не успокаивал, на нее никто не кричал, не цыкал, не требовал замолчать. Она рыдала громко – и вдруг замолчала...

В это мгновение Галина Фёдоровна, как бы очнувшись от сна, рванулась вперед, увлекая за собой детей, и сказала:

– Пошли!

Было страшнее, чем ночью во время бомбежки. Страх этот не покидал Володю всю обратную дорогу, и ему все время виделась темная громада дымящихся камней, что-то тяжело-серое, почти черное, сумрачное среди ясного солнечного дня.

Обратно шли молча и торопливо. Наташка, не успевая за большими шагами взрослых, переходила в бег. Она сначала похныкивала, потом же, снова почувствовав, что сейчас не до нее, замолчала.

А вот и маленький дом Ратиковых. Утром еще по двум сторонам подъезда были две маленькие витрины – молочной и булочной. Теперь же на тротуаре высилась куча мусора и битого стекла, а вместо магазинных окон – пирамида мешков с песком, прикрытых снаружи листами фанеры.

От этого дом сразу как бы ослеп.

– Володя, ты не заметил, разве эти окна ночью разбило? – спросила Галина Фёдоровна.

– Не помню, мама.

– Разбили! – сказала Ната. – Я помню.

Войдя в подъезд, Володя прежде всего открыл почтовый ящик, пошарил в нем рукой и сказал:

– Ничего, мама. Письма с фронта медленно идут. Вот и Мишка ничего не знает о своем папе.

Миша, школьный товарищ Володи, в один с ним день проводил отца на фронт.

– Ты плохо искал.

Галина Фёдоровна опустила на колени перед ящиком – для ее роста он висел слишком низко, – отодвинула дверку-дощечку и заглянула внутрь.

– А это что?! – Она держала в одной руке бумажку, а другой вытирала глаза. – Прочти, Вова, это не письмо, а какая-то повестка-извещение. Прочти же: у меня все расплывается перед глазами.

В подъезде было сумеречно: единственное окно из подъезда на улицу тоже, как витрины магазинов, за это утро, видимо, забили фанерой и тут же закрыли стеклянный фонарь на крыше, который в солнечные дни золотистыми шарфами освещал лестницу. Володя прищурился и стал читать бумажку, напечатанную на машинке, с вписанными кое-где словами от руки:

– «Гр. Ратиковой Г. Ф. Настоящим доводим до вашего сведения...» Натка, опять ты реवेशь! Тише! Я и так ничего разобрать не могу. Мама, ты не волнуйся – это же не письмо оттуда, а что-то здешнее, московское...

– Читай, читай, Володечка!

– Читаю: «...вашего сведения, что ваше дежурство по противовоздушной обороне на крыше в ночь с пятницы на субботу с восьми вечера до восьми утра. Вам надлежит зайти в домоуправление за инструкцией по тушению зажигательных бомб». Все... Натка, да перестань же реветь!

– Бомба, – сказала Натка и замолчала.

Они вошли во двор и чуть только переступили порог в прихожую, как за одной из двух дверей услышали громкий голос:

– Получили? Поздравляю!

Затем приоткрылась дверь, и в ней показалась голова женщины. Все в ней было ладно и как-то аккуратно, как на картинке. Волнистая прическа цвета спелой пшеницы, глаза как васильки, брови и ресницы четко очерченные, а щеки и лоб красные, точно она только что из парилки в бане. В приоткрытой двери виднелся еще ее цветастый, пестрый воротник какого-то платья или закрытого халатика, и в розовых ушах поблескивали маленькие сережки.

Галина Фёдоровна ничего не ответила соседке, но та вышла в прихожую и резко сказала, как бы выкрикнув:

– А я торчать пугалом на крыше не собираюсь.

Последние слова она бросила в закрытую дверь Ратиковых.

– Володя, молчи! – сердитым шепотом произнесла Галина Фёдоровна. – Слышишь, не смей связываться! Натка, раздеваться! Вовка, ты куда?! Слышал, что я сказала?! Ты еще не дорос со взрослыми ссориться. Сейчас же отойди от двери!

– Она не взрослая, а...

– Молчи! – оборвала его мама.

Уже не первый день Галина Фёдоровна всеми силами сдерживала Володю, который готов был сцепиться с соседкой Ольгой Олеговной. Это началось с первых же минут, когда воскресным полднем по радио объявили о войне. Тогда вся семья была в сборе, и сюда же, в комнату Ратиковых, к радиоприемнику прибежала Ольга Олеговна. Когда прозвучало жестокое слово «война», Галина Фёдоровна одной рукой взяла мужа за локоть, прижалась плечом к его плечу, а другой обняла детей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.